

Снова солнце скрылось за горою,
Молча тонут в речке облака.
И звенит натянутой струною
О подойник струйка молока.

На пруду пролётный гусь гогочет,
Ойкнула гармошка во садах...
И пульсирует дыханье ночи
Дрожью у влюблённых на губах.

Октябрь

Откипели страсти,
Как опавшие листья,
Никого не волнуют,
Никого не зовут.
Даже нежной рябины
Пунцовые кисти
Прежних чувств ни в тебе,
Ни во мне не зажгут.
Продувает октябрь
Поредевшие просеки,
Щедро стелет под ноги
Золотые ковры.
И признаться пора:
С уходящею осенью
Догорают и наши
С тобою костры.
Жизнь течёт, как река,
Ей назад нет возврата.
То бунтует по поймам,
То оденется льдом...
Так и все мы,
Подобно судьбе листопада,
В наречённое время
Из жизни уйдём.
А пока наливаются
Соком рябины,
Тянет ниточку
Бабьего лета паук.
Я моим поцелуем
Разглажу морщины
И согреюсь теплом
Твоих ласковых рук.

И снова май.
В серебряных накрапах
Блестят берёзы, медная стерня...
Из края в край—
Земной особый запах
Бензина и нагретого зерна...
Такие дни считают по минутам,
У них размах орлиный и полёт...
И кажется: баранку солнце крутит,
И что ни ветка—солнышко цветёт.
В полях, в садах и взрослые, и дети,
У всех сегодня праздник—сев идёт.
И незаметно в жизнь к нам входит лето,
Как в лето осень страдная войдёт.

Лена

Есть станция Лена...
Не где-то,
А в нашем сибирском краю.
В сугробы, как в доху, одета.
Я здесь на платформе стою.
Тайга подступила к окошкам—
Рогами бодает стекло.
Засыпаны снегом дорожки—
Всю ночь тут, как видно, мело.
А рядом—лучистые рельсы,
Седой неуёмный вокзал.
Проездом из дальнего рейса
Сюда я случайно попал.
Да, спутала, видно, дорожки
Метели седая возня.
Тайга подступает к окошкам,
Тайга окружает меня.
Звонок—я бегу по ступенькам.
Качается в дымке вокзал.
Наверно, вот так Евтушенко
Сюда из Москвы приезжал.
А утром на станцию Лена
Летит телеграмма моя:
«Проехал. Вернусь непременно
В таёжные эти края».

На вечерней тропе

Я вышел на тропинку поздно вечером.
Знать, заплутал, гоняясь за лисой.
Сугробы, как церковные подсвечники,
Курились, подожжённые пургой.
Куда идти? Где есть жильё поближе?
Откройся мне, тропинка, не мани,
Пусть не мои ты целовала лыжи
И губы целовала не мои.
Но где-то есть в тайге мои дорожки.
И пусть не я, а кто-нибудь другой,
Метелицей застигнутый прохожий,
Свернёт на огонёк вечерний мой.
Там есть запас и топлива, и спичек,
Табак, и снедь, и скромная постель.
И тропки наши, как на перекличке,
Аукнутся в стозвонную метель.
Дойду и я—я в это твёрдо верю—
Тропинкою до чьих-нибудь ворот.
Доверчиво мне распахнутся двери,
И, может, кто-то сердце распахнёт.

На зорьке по травушкам-росам,
Промокший, хоть выжми, насквозь,
Дотопал к родному покосу,
Озябший, счастливый до слёз.

Поправил отцовскую косу.
Раздвинулись плечи: «А ну!»
И с песней пошёл по прокосу
Навстречу глазастому дню.

На перелёт, мой друг,
На перелёт!
Пусть снова сердце
Радостно забьётся,
Когда над плёсом
Шилохвост взвзовётся
И королевским
В лодку упадёт.
И эхо медным шаром
Вдоль болот
Покатится,
Как резвый гром, играя,
И новая вспорхнёт
Над поймой стая,
И распахнёт рассветный небосвод.
И солнце,
Раздвигая камыши,
Поднимет гордо
Золотые вёсла.
Не опоздай на зорьку,
Поспеши!
Жизнь коротка,
И поздно будет после.

Где ты?

Где ты, радость моя синеглазая,
Белокрылая чайка моя?
Затерялась средь плёсов Хакасии,
В необъятных полях ковыля?
Или вьюги холодного Севера
Укачали тебя, как дитя?
Увлеклась и другому поверила—
И забыла совсем про меня.
Лезут звёзды в палатку лохматые,
Как замёрзшей дворяжки щенки.
В Эвенкии, тайгою богатой,
Сны твои, как снега, глубоки.
Может быть, шелест вьюги за пологом
Всколыхнёт твою душу до дна...
И поплачешь, и вспомнишь, как дорого
За ошибки мы платим сполна.
А года всё пронесются мимо,
Не унять их упрямую прыть.
Как отратно быть в жизни любимым
И как больно отвергнутым быть!

Крутоярские зори

Ветер высек искры из сугробов,
Заклубился белый-белый дым.
Месяц—жеребёнок крутолобый—
Поскакал по крышам голубым.
Загудели звонкие антенны,
Загребая пальцами эфир.
И в обнимку с Шукшиным Есенин
Входит в наш разноголосый мир.
Мир дерзаний, диспутов и танцев...
Всё так близко.
Всё так вдалеке...
А у клуба пареньки-«афганцы»
Под баян поют о Ермаке.

Страда

И день, и ночь
Гудят, гудят моторы,
Не спят дороги,
И не спят поля.
И, у штурвалов примостившись, зори
Торопят ночи в заросль ковыля.
Здесь тыла нет—
Кругом передовая,
Мы все—солдаты матушки-страды.
И ты не спишь,
И я недосыпаю.
Ночей бессонных много впереди!
Но будет день,
Как яркая страница.
Мы на меже,
Где солнце через край...
Отпразднуем отжинки по обычаю,
Разрезав первый пышный каравай.

● ● ●
Над Причулымьем—птичий пересвист,
Пронизан лес зелёною порошей.
И каждая травинка, каждый лист
Поют друг другу, хлопая в ладоши.

Курчавятся зелёные луга,
Недалеко уже до сенокоса.
И по лугам зелёная река
В зелёный край
Зелёный чёлн уносит.

Проворный шмель на проводах весны
За весь оркестр усердно, как смычками,
Звенит весь день на струнах тишины
Зелёными мохнатыми усами.

И тень его на розовом цветке
Рассыпала зелёные горошки.
И разбежались в лето налегке
Во все края зелёные дорожки.

● ● ●
Всю ночь валила лёгкая пороша,
Дымилась белым паром поутру.
Чуть свет встаю я, сердце растревожив,
Двустволку неизменную беру...
Смолой и снегом
Пахнет синий воздух,
Мороз, крепчая, колет сухостой...
Рассвет к ногам в сугроб бросает звёзды
Уверенно размашистой рукой.

● ● ●
Всё тише, тише...
Замирает эхо
Вечернего дуплета в тростнике.
И, будто ночи
Расставляя вехи,
Плывёт рыбак
На утлом челноке.
Куда его
В такую темень гонит?
Ведь рыбаю и ночью не до сна.
А в тёмных волнах тонет, и не тонет,
И бьётся в сетке рыбицей луна.

Последняя ягодка

Последнюю ягодку в позднем саду
Срываю озябшей рукою.
Не знаю, что будет в грядущем году,
С какой повстречаюсь судьбою.
Приду ли к тебе я знакомой тропой,
Росистой и пахнущей мёдом?
А может, не я—уже кто-то другой
Тебя осчастливит приходом?
И спелые ягоды брызнут в ладонь
Июльским живительным соком...
А будет ли счастлив
И вспомнит ли он
Ушедших из жизни до срока?
Последнюю ягодку в позднем саду
Сорвал я озябшей рукою...
Прости,
Если больше к тебе не приду.
Прощай!
Я был счастлив с тобою.

Майский гром

Люблю грозу в начале мая...

Ф. Тютчев

И грянул гром...
Прямой наводкой
Со всех позиций и стволов.
И хлынул дождь.
А где же лодка?
Ни пристани,
Ни берегов...
Плыву по руслам переулков
Без паруса и без весла.
А гром раскатисто и гулко
Танцует польку у села.
Бросает пригоршнями стрелы,
Ломает копыя на лету.
А ребятишки—
Ах, пострелы!—
Арканят змеем высоту.
И ливня синие волокна
Вбивают в землю босиком...
Они, до ниточки промокнув,
Завяжут молнию узлом.